

5 ТРАГИЧЕСКИЙ И ВЕСЕЛЫЙ МИМ

Вчера состоялось первое выступление Марселя Марсо, снова гастролирующего в Ленинграде. Знаменитый французский артист-мим начал свою программу миниатюрами контрастными. В «Расклеишке афиш» возник наивный и простодушный образ бедняка, почувдило дыхание опустевших переулков ночного города. В «Суде» при помощи мгновенных перевоплощений Марсо изобразил галерею гротескных фигур — отупевшего судью, слащавого адвоката, самоуверенного прокурора, одинаково равнодушных к подсудимому. Сначала — как бы рисунок акварелью, пронизанный добрым юмором; затем — острая памфлетная графика, социальный сарказм. По мере движения спектакля артист все больше и больше раскрывал щедрость своего мастерства и мысли. В лирических и философских этюдах обобщениях возникали горькая ирония и веселая шутка, нежность и насмешка, буффонность и трагизм.

Мим обнаружил свое красноречие, показав, как он неистощим в оттенках поз и движений. То, как наслаждается своим скромным делом человек, расклеивающий афиши, становилось явственным из одного веселого взмаха кистью; вздымаемые вывы, исполненные пафоса руки прокурора, наигранно-сочувственные, не умеющие скрыть лжи и оттого особенно смешные руки защитника и вялые пальцы

дремлющего судьи рассказывали о характерах и типах вершителей неправедного суда. Когда герой Марселя Марсо — наивный Бип на светском вечере тщетно пытается уделить равное внимание веселому анекдоту и горестному рассказу, меняя выражение лица в зависимости от того, что он слышит справа и слева, — смена ритма, убыстрение темпа доводят забавный эпизод до такой образной силы, что одно из приключений Бипа становится олицетворением угодливости. Бип идет на бал, и уже его первые шаги по воображаемой лестнице говорят о жизни неудачника, привыкшего лишь смотреть на чужое веселье. В миниатюре «Клетка» движения пальцев узника, хватающих воздух сквозь прутья решетки, раскрывают жажду свободы и отчаяние, бессилие и неиссякаемую энергию.

При всей сюжетной пестроте этюды Марсо слагаются в своеобразную целостную программу артиста, обладающего своим взглядом на жизнь. Он видит мир и как клетку, и как вместилище духовных богатств и сил человеческих.

Незадачливому Бипу не удастся ничего: когда он приглашает дам на танец, одна неожиданно оказывается непомерно маленького роста, а другая — непомерно высокого; вот он нашел ту, которую искал, но музыка умолкла. В поезде тряска не дает ему возможности налить

рюмку вина, вилка с едой скользит мимо рта. На катке не подчиняются ноги. Бип становится бродячим акробатом, но ему не выжать тяжести и, кажется, не пройти по проволоке. Ему не удается даже покончить с собой — веревка обрывается, пистолет дает осечку, острое лезвие только ранит палец... И все-таки человек радуется, ищет, самый слабый бьется с самым сильным и неожиданно для себя побеждает его, как Давид победил Голиафа.

Наиболее полно взгляд Марсо на жизнь раскрывается в миниатюре «Контрасты» — одной из самых глубоких в программе. Мир, пугающий лязгом и воем войны, представляющий людей чеканить шаг в марше под ружьем, бесстыдное и безумное веселье власть имущих. Мир нищеты, страдания, боли и протеста. Снова и снова Марсо повторяет движение руки, просящей подаяние, снова и снова понижает его тело, застывая в позе человека, сраженного выстрелом. Под бравурные звуки музыки опять и опять возникает перед зрителем дикий пляс, — некто у пюльга дирижирует бесстыдной фантазмагорией. С недоумением и горечью смотрит человек вокруг себя — смотрит, потрясенный контрастами жизни. На мгновение кажется, что артист говорит о безысходности, безвыходности существования; но нет — та страсть, с которой идет навстречу испытани-

ям его герой, заставляет почувствовать неистребимую и светлую веру в человека, остающегося человеком несмотря ни на что. Даже у того, у кого руки отведены назад в час расстрела, взгляд обращен вперед!

Марсо окончил программу фантастической миниатюрой «Маски». Ее смысл также значителен. Человек меняет маски одну за другой — беззаботную, веселую, выражающую безразличность, скорбную, а потом зловеще-воинственную, надев которую он скачет на коне. Вот в бешеном ритме чередуются маски — смеющаяся и плачущая; кажется, что человек готов даже к угодливости, доходившей до позора. Игра становится жуткой. Последняя маска — бессмысленная, идиотическая — засыпает на лице, и вдруг оказывается, что снять ее невозможно. Неимоверные усилия... Отчаяние и готовность сдаться... Снова напряжение воли... Человек опускается на колени — кажется, он не знает, кого молить о помощи. Но все-таки маска сброшена — обессиленный, потрясенный, человек замирает на авансцене. Кажется, он понял, на каком опасном пути стоял. Ему довелось испытать горький, страшный урок, и стало ясно: имя человека обязывает. В этом эпизоде веселый и трагический мим заговорил о жизни требовательно, строго.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО

Вечерний Ленинград
Ленинград

24 ДЕК 1964